

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МЕНТАЛИТЕТ

В.Н. Липский

Н. БЕРДЯЕВ О ДУАЛИЗМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Аннотация. Выступают противоречия национального самосознания. Бердяев предлагает ряд антиномий, сквозь призму которых он рассматривает эту противоречивость. В первой антиномии анализируются свойственные русскому духу проявления терпеливости, с одной стороны, и нетерпимости, с другой. В статье показывается проявление терпеливости-нетерпимости в различных сферах бытия русского человека. Другая антиномия звучит: «Россия – самая безгосударственная... страна в мире», с одной стороны, а с другой Россия видится Бердяеву страной с жёсткой государственной структурой. Методологически эта противоречивость детерминирована восточно-западным влиянием, которое, в свою очередь, способствует формированию у русских «мессианского сознания». Анализ дуалистичности национального самосознания представляет интерес не только с точки зрения истории, так как нынче Россия, как и во времена Бердяева, в очередной раз находится на «переломе», и, возможно его идеи о взаимодействии национальных и европейских ценностей позволят по-новому оценить происходящее сегодня.

Ключевые слова: антиномии, дуализм, терпеливость, смиренность, нетерпимость, национальное самосознание, жизнь, смерть, миссия, ценности.

Review. The research is devoted to the contradictions of national identity. Nikolay Berdyaev offered a number of antinomies through which contradictory nature of national identity can be viewed. The first antinomy is about passion and intolerance specific for the Russian mind. The researcher demonstrates how passion and intolerance are manifested in various spheres of Russian life. The other antinomy sounds like 'Russia is the most ungoverned country in the world', on the one hand, while on the other hand Berdyaev saw Russia as the country with the most rigid government structure. Methodologically this contradiction was determined by the influence of the East and West which, in its turn, contributed to the development of the Russians' 'messianic consciousness'. Dualism of national identity is an interesting topic not only from the point of view of history taking into account the fact that today's Russia is at another 'turning point' just like in Berdyaev's times but also because Berdyaev's idea about the relationship between national and European values will allow to take another look at what is happening in our country today.

Key words: antinomy, dualism, patience, humility, intolerance, national identity, life, death, mission, values.

Мыслители и художники, публицисты и политики, представляющие национальные культуры, в различные социальные периоды задумывались над своеобразием характера и самосознания наций, которые они представляют. Прямо или опосредованно об этом писали и античные авторы и наши современники. Сегодня это в большей степени характерно самоопределяющимся нациям (Украина, балканские государства), хотя, понятно, что и представителей «старых» наций эта тема продолжает волновать, так как, во-первых, настоящее – это результат прошлого, а, во-вторых, менталитет и самосознание не могут веками оставаться постоянной величиной. Для отечественных мыслителей данная проблема не потеряла своей актуальности на всём

протяжении существования государства. Особую глубину её осмысление приобретало в «пиковые» социальные периоды: творчество славянофилов, Достоевского, затем своей болезненной остроты эта проблема достигла, как представляется, у Н. Бердяева, обратившегося к ней в один из самых трагичных периодов русской истории.

В философских произведениях Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея», «Философия свободы» мы находим теоретическое обоснование парадоксальности русского национального сознания. Эти и многие другие его работы – это философско-религиозные исследования, в которых рассматривается духовная жизнь России, взятая в её историческом контексте, в сопоставлении с Европой, исследуются сущность

и особенности национальной гносеологии на социальных «переломах». Проблеме «особого пути» России в связи с национальной идеей посвящена работа «Судьба России», в которой, с нашей точки зрения, представлена методология, детерминирующая дихотомичность русской жизни. Работа была написана до революции 1917 г., но намеченные в ней пути развития России оказались пророческими: война в форме революции и установление тоталитарного порядка на долгие годы стали для России реальностью. Был и третий, предложенный философом путь – путь торжества «социальной правды», конечно, и до Бердяева русские мыслители и художники «мучались» поисками «социальной правды», но особенность поисков Бердяев в «Судьбе России» состояла в том, что это был поиск, осуществлявшийся в чрезвычайных обстоятельствах.

Размышляя над противоречиями русской действительности, Бердяев пытается обосновать необходимость духовного сближения Востока и Запада. Причём, понимание философом этого сближения отличается от традиционного славянофильско-западнического понимания, в рамках которого «адаптироваться» предполагалось либо Западу, в котором богословие погрузилось в «абстрактный рационализм» и потому отклонилось от истинного пути, либо Востоку, которому предписывалось пройти на пути к истине тот путь, по которому движется Запад. Бердяевское понимание построено не по принципу «или-или», а по принципу «и-и», это движение навстречу друг другу, но при этом во главу угла поставлено духовно-религиозное «перерождение».

Это «перерождение» возможно на основе объединения всех христианских сил Европы. Обращаясь к Западной Европе, философ отмечает, что ей предстоит пройти путь «духовного перерождения», ибо она чересчур погрузилась в решение социальных вопросов с помощью силы и денег. Вместе с тем и России предстоит почувствовать в Западной Европе ту «вселенскую святину, которой и мы сами были духовно живы» [1, с. 8], усвоить некоторые западные добродетели, не отказываясь при этом от сущностных национальных ценностей. Сопоставляя Восток и Запад, философ показывает своеобразие русского мира: «В русском Востоке открывается огромный мир, который может быть противопоставлен всему миру Запада, всем народам Европы» [2, с. 119]. Это своеобразие философ объясняет и верой, и историческим контекстом, и «географией русской земли», которой соответствует «география русской души».

Безграничные российские просторы, равнины и дали, отсутствие «резко очерченных форм» сво-

еобразно «выстраивают» душу русского человека, в которой доминирует «равнинность» содержания, противоположного, а нередко и враждебного любым ограничениям: «Душа расплывается по бесконечной равнинности, уходит в бесконечные дали. Даль, бесконечность притягивают русскую душу. Она не может жить в границах и формах, в дифференциациях культуры, душа эта устремлена к конечному и предельному, потому что она не знает границ и форм жизни, не встречает дисциплинирующих очертаний и пределов в строении своей земли, в своей стихии» [2, с. 120]. Недостаток формы и склонность к стихийности, «не забронированность религиозной и культурной дисциплиной» ведут к отсутствию у русского человека «настоящего инстинкта самосохранения». Он склонен к низвержению устоев и способен устремиться в неведомое.

Раздумывая над своеобразием русского бытия и русского духа, Бердяев последовательно в «Судьбе России» проводит мысль о том, что онтологическая и гносеологическая противоречивость русской жизни обусловлены востоко-западными влияниями, действующими в русской истории: «По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание. Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад» [3, с. 4].

Взаимопроникновение двух исконных русских начал – восточного и западного в контексте русской истории не было последовательным и гармоничным. Так Киевская Русь не была так оторвана от западного влияния как это было в последующие периоды. Новый виток взаимодействия начинается с петровских времён. Взаимодействие в этот период начинает носить организованный и осмысленный характер и, с точки зрения Бердяева, этот период способствовал пробуждению скрытых до этой поры потенциалов русского народа: «Необычайный, взрывчатый динамизм русского народа обнаружился в его культурном слое лишь от соприкосновения с Западом и после реформы Петра» [3, с. 7]. Вероятно, это закономерно, ибо, будучи «двухчастной», русская жизнь не могла иметь полноценного развития, существуя длительное время на «разрыве» частей, неизбежность их взаимодействия на определённом этапе стала насущной необходимостью. С другой стороны, именно в петровскую эпоху и эпоху царствования Екатерины II русский народ «окончательно подпал под власть крепостного права. Весь петровский период русской истории был борьбой

Запада и Востока в русской душе». Множество европейских нововведений, которые способствовали развитию России, появились в петровскую эпоху, но эти нововведения, осуществлявшиеся в своём большинстве старыми методами, вместе с тем вели к укреплению монархии и крепостного права и тисками продолжали сдавливать энергию миллионов простых людей.

В рамках этой методологии Бердяев рассматривает некоторые антиномии, которые ею детерминированы. Первая антиномия связана с противоречивостью русского духа. Вселенское человеколюбие, «Христова любовь сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью» [1, с. 8]. Эта двойственность русской души, несущей в себе, по утверждению Бердяева, величайшее человеколюбие как к этнически родственными народам и культурам, так и к этнически далёким, с одной стороны, и грандиознейшую нетерпимость (полагаем, проявляющуюся в первую очередь на ментальном уровне) как по отношению к людям своей культуры и веры, так и по отношению к людям иной культуры и веры, с другой, находит своё подтверждение в истории. С незапамятных времён жизнь русского человека концентрировалась в рамках общинного сознания. Коллективистское мышление было характерно не только для военных сфер жизни русских, но и достаточно широко было представлено и в мирной жизни. К примеру, нормой бытия крестьянской жизни были совместные покосы, помощь в строительстве домов и др. виды коллективных работ, для которых объединялись зачастую не только родственники, но и просто соседские семьи, оказывавшие всяческое содействие друг другу. Однако, достаточно примеров прямо противоположных, когда, к примеру, межа между соседскими землями становилась аренной ожесточённых драк и даже кровавых баталий.

Эта терпеливость-нетерпимость была характерна не только для мирской, но проявлялась и в жизни религиозной, по сути своей призванной к человеколюбию и терпеливости. В последние годы немало стало публиковаться литературы о жизни русских подвижников. Оказывается, что и их путь в среде близких им по духу людей, зачастую был трудным испытанием. Один из величайших русских святых преподобный о. Серафим (Саровский) при жизни (да и после ухода) совершил великое множество благодеяний [см.: 4]. Однако, «нет пророка в своём отечестве». Митрополит Вениамин (Федченков) пишет: «...наряду со светлыми порывами и благодатными дарами всегда в монастырях наблюдались и козни врагии, и страсти человеческие. И чистой душе о. Серафима трудно стало

в этом училище борьбы» [5, с. 47]. Зависть иноков и нетерпимость и явились в своё время поводом к уходу о. Серафима из монастыря.

Представляется, тем не менее, что проявления нетерпимости на русской почве сосредоточены главным образом в ментальной плоскости и практически отсутствуют в плоскости теоретической, если брать «срезы» идеологического отражения народной жизни и идеального бытия в его сущностном смысле. Общественно-политические теории, в основу которых было положено насилие как способ достижения справедливого общественного устройства, впервые появились в Западной Европе. В связи с этим можно вспомнить и теорию идеального государства античного философа Платона полагавшего, что государство обладает эксклюзивным правом вмешательства в жизнь своих граждан, и итальянского мыслителя XV-XVI вв. Н. Макиавелли, считавшего, что для упрочения государства можно использовать любые средства – насилие, жестокость, ложь и пр. («Государь»), и теории более позднего происхождения (достаточно напомнить о марксистских и др. теориях).

Что касается насильственных действий со стороны государственной власти по отношению к собственному народу, то в этом вопросе, если взглянуть на историческую тенденцию, российская власть преуспела. Насилие в самых изощрённых формах использовалось как центральной, так и местной властью: борьба за власть, преследование за веру, расправа с политическими инакомыслящими, всевозможные способы унижения и мн. др. сопровождали российское бытие на протяжении всей его истории. Да и сегодняшнее время вносит свою лепту в этот процесс. Чего стоит само становление рыночного общества, в результате которого в России «внезапно» образовался гигантский провал между небольшой группой баснословно богатых и остальными членами общества, и провал этот, к сожалению, имеет тенденцию к увеличению.

А теперь ещё об одной своеобразной черте, на которую обращает внимание Бердяев: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире» [1, с. 14]. Анархизм действительно имеет глубокие корни в русской национальной традиции. Этот анархизм разноплановый: политический, религиозный, гносеологический и пр. Идеология анархизма, как форма политической нетерпимости по отношению к любой государственной власти, «проросла» в России со середины XIX в. благодаря усилиям А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Если обратиться к опыту крестьянской жизни (религиозные ереси, как протест против насильственной христианизации, появились с принятием христи-

анства), то, возможно, одними из первых массовых анархических проявлений были самоуправляющиеся общины вольных казаков, формировавшиеся в первую очередь из беглых крестьян, которые в массовом порядке стали возникать в XV-XVI вв. на Днепре, Дону, Волге, Урале, Тереке. Вероятно, пик «эмпирического» анархизма в России пришёлся на начало XX в., когда в годы Гражданской войны особенно остро проявили себя идеи неприятия каких-либо форм государственной власти.

В отличие от стихийного анархизма периода Гражданской войны, «религиозный анархизм» (Н. Бердяев) Л. Толстого носит вполне осознанный характер. Нетерпимость Л. Толстого духовна по своей сути. Вступая в полемику с представителями духовенства, Л. Толстой выступает не против веры как таковой. Он не согласен с вероучением, претендующим на истину в конечной инстанции. Ибо «если два исповедания считают себя в истине, а друг друга во лжи, то желая привлечь братьев к истине, они будут проповедовать своё учение. А если ложное учение проповедует неопытным сынам церкви, находящейся в истине, то церковь эта не сможет не сжечь книги, не удалить человека, соблазняющего сынов её» [6, с. 155]. Не вдаваясь в детали полемики, отметим, что по существу из толстовского анархизма-нетерпимости вырастает нечто совершенно противоположное.

Принципиально сходной с толстовской нетерпимостью являются идеи отрицания государства у славянофилов, полагавших, что государство в лице самодержавия должно дать народу возможность посвятить себя поискам «внутренней правды». В такой интерпретации нетерпимость как феномен нужно рассматривать в социокультурном контексте, т.к. в контексте русской культуры это явление реализуется весьма неоднозначно: с одной стороны, «чистая» анархистская нетерпимость в духе Бакунина и Махно, а с другой, духовная «нетерпимость» Толстого, славянофилов (да и не только), переходящая в безбрежную терпеливость.

При этом, как отмечает Бердяев, русский народ хочет «не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства» [1, с. 16]. Русский человек и государство «ухитрялись» существовать параллельно, «государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа» [1, с. 16]. Вместе с тем, русский человек, экзистенциально воспринимая государство как внешнюю силу, буквально принадлежал этому самому государству безраздельно. Веками он был придавлен государством, которое забирало у человека все силы, всю творческую энергию

ради «поддержания и охранения огромного государства». В основании этого алогичного взаимодействия располагается, формируемое всем контекстом русской жизни, такое свойство характера, как терпеливость, альтернативы которому в целом в рамках складывающихся отношений между русским человеком и государством попросту быть не могло: «Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа» [1, с. 16], – пишет в связи с этим Бердяев.

Рациональный «парадокс» состоит в том, что стараниями власти и самого народа было создано одно из самых могущественных государств, в котором чиновники и бюрократы «подмяли» под себя самый «безгосударственный» народ. Сформировавшийся в ходе исторического развития «инстинкт государственного могущества» во взаимодействии с «кинстинктом свободолюбия» в итоге самым парадоксальным образом «давил» государственный народ, о чём неопровержимо свидетельствует многовековая история. Необъяснимая на рациональном уровне, эта антиномичность объясняется, с точки зрения Бердяева, «особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере». Бердяев полагает, что природа русского народа женственна, покорна и смиренна, что русский человек привык жить в тепле коллектива как в лоне матери. Эта женственность формировала в русском человеке покорность по отношению к государственному насилию, способствовала победе терпеливости над нетерпимостью.

В ситуации, при которой все силы отдавались для создания и охранения государства, развитие свободного личностного начала было крайне затруднено. Кроме того, и «русское православие, которому русский народ обязан своим нравственным воспитанием, не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека, в нём была огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку прежде всего было предъявлено требование смирения» [1, с. 111].

Будешь терпеливым и смиренным в душе, не будешь горделивым, не будешь превозноситься – остальное разрешено: «И в самом большом преступлении можно смиренно каяться. Мелкие же грехи легко снимаются свечечкой перед угодником» [1, с. 111]. Так терпеливость и смиренность «разрешённо» соседствовала с нетерпимостью и грехом. «Все серенькие, все прыгают», – вещает известный персонаж. Не следует стремиться даже приблизиться к высоким нравственным целям. Это – гордость: «Всякий слишком героический путь личности русское православное сознание признаёт гордыней, и идеологи русского православия гото-

вы видеть в этом пути уклон к человекобожеству и демонизму» [1, с. 112]. Бердяев обращает внимание на дуализм русского религиозного сознания.

Противопоставляя честность как рациональное начало, которого придерживаются народы Запада, и святость, как значительно более высокое начало, которого придерживаются на Руси, сторонники православного сознания на самом деле полагают, что Русь свята лишь тем, что бесконечно почитает «святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижении познания или в общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности» [1, с. 112]. Естественно, дело не в том, что русский человек отвергает ценность честности как таковой, а в том, что «честность – это нравственная середина» и не представляет интереса именно в качестве середины, ибо духовно русский человек, как уже отмечалось, либо нигилист, либо «устремлён к всеразрешающему религиозному концу истории».

Бердяев далёк от идеализации русского человека, который как маятник качается между «святостью и свинством», не зная человеческой середины. До святости подняться могут лишь единицы, а многие, не дотягивая до состояния человеческого, «остаются в состоянии свинском». Мыслитель указывает, пожалуй, на самую существенную причину такого положения вещей, состоящую в том, что жизнь веками препятствовала формированию в русском человеке чувства свободы. Русский человек прошёл школу терпения и смирения, которые в силу конкретных обстоятельств и не позволили сформироваться в нём чувству свободного гражданина. Это как раз тот случай, когда воспитанная веками терпеливость сродни бездействию, когда терпеливость без сформированных в европейской культуре общественной справедливости, стремления к познанию, творчества может стать препятствием на пути социального совершенствования. Бердяев утверждает, что русский человек должен перестать полагаться на то, «что за него кем-то всё будет сделано. Исторический час жизни России требует, чтобы он раскрыл свою человеческую духовную активность» [1, с. 116]. В «Философии свободы» он прямо пишет, что библейское «претерпевший до конца спасётся» не значит, что нужно просто пассивно терпеть и терпеть, стремиться к страданию и страдать, а нужно противопоставить злу активное сопротивление, мужественно принимать удары мирового зла [см.: 7]. Терпеливость сама по себе ценна лишь в действенном взаимодействии с нетерпимостью. Таким образом, наряду со столь необходимой в условиях российского

бытия терпеливостью, сформированной в контексте минувшей истории, актуальной и жизненно важной становится творческая активность, воспитание «срединного» взгляда на жизнь и способности противопоставить ментальной нетерпимости взвешенную борьбу со злом.

Ещё одно весьма существенное своеобразие национального сознания связано с отношением к национальности: «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русскому народу совсем не свойствен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации... В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» [1, с. 20]. В истории России не мало тому практических и теоретических свидетельств: романо-германские взаимодействия, военная поддержка «братушек», евразийские концепции и пр. Не останавливаясь на этом подробно, обратим лишь внимание на мысли Бердяева о том, что «национализм новейшей формации», проявления которого на теоретическом уровне имели место (Катков и др.), есть проявление европейского влияния на русской почве.

Самобытность России, по словам Бердяева, как раз состояла в её «сверхнационализме», что миссия России состоит в том, что она «призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в её особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну (имеется в виду первая мировая война – В.Л.). Россия не имеет корыстных стремлений» [1, с. 21]. Действительно, если попытаться обозреть исторический контекст, то агрессивность и насилие в большинстве своём России были не свойственны. Не случайно, с незапамятных времён на Руси возник лозунг: «Кто с мечом придёт на нашу страну, от меча и погибнет».

Но, отмечает Бердяев, «есть и антитезис»: «Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой всё национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обречённое на гибель. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный призванный» [1, с. 22].

Едва ли можно согласиться с таким безоговорочным утверждением философа. Конечно, национальные отношения в многонациональной России формировались в рамках серьёзных противоречий, а многочисленные военные конфликты с европейскими государствами (инициатором которых по большей части не являлась Россия) повлияли на отношение к полякам, немцам, французам. Вместе с тем утверждение о том, что «Россия – самая националистическая страна в мире» вызывает возражение. Думается, что Германия, Франция, США (мы должны вести речь о периоде, предшествующем написанию работы «Судьба России», но вместе с тем нельзя не отметить, что будущее социальное развитие европейской цивилизации дало, как известно, примеры чудовищного национализма в лице фашистской Германии и др.) также преуспели в этом вопросе. Наряду с «эксцессами национализма» в России, были и дело Дрейфуса во Франции, аналогичные процессы в Германии, не говоря уже об истреблении «бледнолицых» в США.

Нет, в этом с Бердяевым согласиться нельзя. А вот с идеями о необходимости освобождения «Христов духа из плена... национальной стихии», взвешенного отношения к Европе, пожалуй, согласиться стоит. Обратим внимание и на утверждение Бердяева о том, что смирение переходит в сомнение, что раз смиренный, то тем самым и великий. В очередной раз констатируем, что покорность и терпение на русской почве имеют тенденцию стремиться к своей противоположности.

Несмотря на поляризованность русского человека, в котором человечность и терпеливость может совмещаться с проявлениями жестокости и всяческой нетерпимости, Бердяев, тем не менее, полагает, что «человечность всё же остаётся одной из русских черт, она относится к русской идее на вершинах её проявления. Лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника» [3, с. 76]. В отличие от западного человека, у русского нет «культы холодной справедливости». Для русского, пишет Бердяев, человек выше «принципа собственности», что и определяет в целом «русскую социальную мораль». Философ отмечает, что русское самосознание, подлинная русская духовность предполагают победу над «враждой и подозрительностью». Он полагает, что «Россия войдёт в мировую жизнь определяющей силой», но произойдёт это лишь тогда, когда русский человек выйдет из состояния пассивности, когда будут освобождены его творческие силы.

Размышления Н. Бердяева над своеобразием русского национального сознания в конечном

итоге детерминированы его религиозностью. Как глубоко верующий человек, он полагает, что «христианство – религия любви и, следовательно, свободы и терпимости...», но вместе с тем «Бердяев является поборником традиций западноевропейского и русского гуманизма, а именно абсолютной ценности личности и её неотъемлемых прав на духовную свободу и приличные условия жизни. Он убедительно доказывает, что эти принципы могут быть последовательно обоснованы только на основе христианского мировоззрения» [8, с. 288].

К проблеме противоречий бытия и духа, как отмечалось, Бердяев обращается в различных работах. Являясь ценителем европейских ценностей, он тем не менее предвидел, что Европа, решая социальные вопросы с помощью «силы и денег» и уповая в своём развитии в первую очередь лишь на экономические рычаги, со временем начнёт «рубить сук», на котором сама устроилась. Жёсткое следование экономической логике, вывело в конечном итоге европейскую цивилизацию на рельсы глобализации, в условиях которой «старый свет» привычным образом стал ориентироваться на власть «силы и денег». Глобализация не стала для западной цивилизации палочкой-выручалочкой, ибо, как отмечал Бердяев, на «Западе совершается кризис творчества и кризис культуры. Запад подавлен величием своей старинной культуры» [9, с. 524]. Ему необходима «молодая кровь», приток свежих идей и новой энергии. Глобализация, ставшая помимо всего прочего следствием вырождения европейской культуры (предсказанного Бердяевым, а затем и европейскими мыслителями), вела (и ведёт) западную цивилизацию к отрицанию ценностей свободы и творчества, длительное время служивших локомотивом этой самой цивилизации. Сетевое сознание и шоуцентризм стали утверждаться на месте идеалов свободы и творчества, а уникальное и неповторимое сменила коммерциализация всего и вся.

Философ предсказывал, что как раз свойственная русской душе полярность способствует сохранению в русской культуре подлинного творчества, что благодаря сопротивлению русской души «буржуазно-срединной культуре» и формируется в ней (русской душе) целостно-философское осмысление бытия. Следствием этого «тождества субъекта и объекта» является то, что «русский правдолюбец хочет не меньшего, чем полного преобразования жизни, спасения мира» [9, с. 523]. Именно об этом «болит» душа большинства героев Достоевского. Вместе с тем это «бремя мировой ответственности», по мысли Бердяева, порождает очередное противоречие как внутри русской души, так и её

противоречие «душе латинской или германской». Осознание этого «бремени мировой ответственности», полагает Бердяев, вызывает в русской душе чувство трагизма ввиду несовершенства бытия, что и не позволяет ей «жить радостной и культурной жизнью».

Непреходящее чувство трагизма, вызванное несовершенством бытия, рождает в русской душе трагизм творчества. Ещё за 20 лет до философа Бердяева великий русский писатель Л. Толстой писал о том, что попрание ценностей нравственности противоестественно для человека. В повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» писатель берётся за осмысление, наверное, одной из величайших проблем человеческого бытия – проблемы смерти человека. Умиравший от рака Иван Ильич испытывает сильнейшие боли, но неизмеримо сильнее физиологической боли, его нравственные страдания, когда он сталкивается с равнодушием к его страданиям со стороны близких, которые веселятся и пляшут в тот момент, когда его мучают боли и мысли о своём скором уходе.

Л. Толстой, создавая историю болезни и смерти Ивана Ильича, предлагает задуматься над вечными проблемами: человеческая жизнь конечна и жить нужно по совести, «хорошо жить – хорошо умирать». Хорошо умирать – это значит жить нравственной жизнью. Непреходящее осознание этой вселенской связи не позволяет русской душе наслаждаться окружающим миром, если в нём отсутствует гармония.

Отношение к глобальной человеческой проблеме: жизнь-смерть в «душе латинской или германской» коренным образом отлично от души русской. Французская писательница С. Бовуар (1908-1986) со свойственным экзистенциалистам вниманием к глубинным проблемам бытия, как и Л. Толстой, обращается к осмыслению проблемы смерти в повести «Очень лёгкая смерть», в которой она пытается осмыслить вечную проблему на примере болезни и смерти своей матери. В небольшой по объёму повести, С. Бовуар буквально по дням, фиксируя внимание на физиологических подробностях болезни, оказывается в роли стороннего наблюдателя за «умиранием» родного человека. Писательнице важно запечатлеть процесс перехода по «другую сторону барьера», сосредоточиться,

на милой экзистенциалистам проблеме отчуждения. В отличие от Ф. Достоевского и Л. Толстого, С. Бовуар в конечном итоге движима идеей индивидуализма.

Бердяев отмечает, что кризис европейской культуры остро переживается «русским гением», полагая, что этот гений может выступить в роли спасательного круга для западной цивилизации, дрейфующей в сторону ценностей сытости и развлечений. Вместе с тем, наряду, а может и внутри этой великой миссии, таится «тёмная» сторона, так как «Россия во всём и всегда страна великих контрастов и полярных противоположностей. Низость и холопство духа и головокружительные высоты!» [9, с. 523-524]. Философ отмечает, что в России в среде большинства народных масс отсутствует «культурная среда и культурная традиция». Это раздвоение культуры в России – «сверхкультурность» на вершинах и «дикость и варварство» снизу – великая опасность для России, полагает Н. Бердяев. Предостережение философа оказалось пророческим, когда в 1917 г. почти всё, чем дорожили на культурных вершинах России, оказалось низвергнутым.

Следствием этого низвержения стала идея «подтягивания» низов до уровня вершин: ликвидация безграмотности, план монументальной пропаганды, успехи во всеобщем образовании, создание нового по духу искусства и т.д. То есть маятник вновь качнулся к своей противоположности. Очевидно, прав философ, «срединность» не свойственна русской душе. Вместе с тем миссию России Бердяев видит не только в сопереживании кризису мировой культуры и не в низвержении буржуазной культуры, так как Россия, как отмечалось, не может «остаться только Востоком и не должна сделаться только Западом. Миссия России быть Востоко-Западом, соединительницей двух миров» [9, с. 524]. Таким образом, из свойственной русскому национальному сознанию дуалистичности вырастает миссия России, призванной объединять противоположности. Наконец, нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что полярности национального самознания по определению не являются статичными, а представляют собой своеобразные сообщающиеся сосуды, в которых целое одной полярности несёт в себе элементы противоположной и наоборот.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2005.
2. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. М., 2001.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1997.
4. Житие преподобного Серафима Саровского. Беседа преп. Серафима с Мотовиловым о цели христианской жизни. М., 2002.

5. Митрополит Вениамин (Федченков). Всемирный светильник Преподобный Серафим Саровский. М., 2000.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20-ти тт. Т. 16. М., 1964.
7. Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. С. 187–188.
8. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
9. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 1989.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M., 2005.
2. Berdyaev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo. M., 2001.
3. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. M., 1997.
4. Zhitie prepodobnogo Serafima Sarovskogo. Beseda prep. Serafima s Motovilovym o tseli khristianskoi zhizni. M., 2002.
5. Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). Vsemirnyi svetil'nik Prepodobnyi Serafim Sarovskii. M., 2000.
6. Tolstoi L.N. Sobr. soch.: v 20-ti tt. T. 16. M., 1964.
7. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. M., 1989. S. 187–188.
8. Losskii N.O. Istoriya russkoi filosofii. M., 1991.
9. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva. M., 1989.